Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-175-196
https://elibrary.ru/ZLLHGR

© 2023. Евгения Иванова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтина и В.В. Розанов

© 2023. Evgenia V. Ivanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Problems of Dostoevsky's Poetics by Mikhail Bakhtin and Vasily Rozanov

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: evi@l-z.ru

Аннотация: В статье рассматриваются причины, по которым М.М. Бахтин в поздний период творчества проявлял особый интерес к В.В. Розанову, о чем мы узнаем из воспоминаний П.В. Палиевского. Советуя своим посетителям обратить внимание на творчество В.В. Розанова, сам Бахтин о Розанове ничего написать не успел. Причины интереса Бахтина к Розанову кроются в тесной духовной связи Розанова и Достоевского, и книга «Проблемы поэтики Достоевского» помогает раскрыть эту связь. Современники пытались поставить ее Розанову в укор, сравнивая его со Смердяковым, но Розанов подобными сравнениями не смущался и сам неоднократно указывал на свою родственность героям Достоевского. В статье прослеживается, как выделенные Бахтиным особенности поэтики Достоевского являются одновременно и основой устроения творчества Розанова: соотношения автора и героя, идеологемы в роли действующих лиц, равноправность «чужого слова», отразившаяся в постоянном использовании Розановым чужих писем как одного из средств характеристики адресата, включение в свои книги статей, содержащих полемику с его идеями,

их обсуждение, т.е. полифония и диалог были особенностями его творчества. В итоге книга «Проблемы поэтики Достоевского» становится ключом, открывающим новаторский характер и особенности устроения художественного мира Розанова, видевшего в себе завершителя литературы, основанной на вымысле.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Розанов и Достоевский, «обмен мыслей», концепты работы «Проблемы поэтики Достоевского», автор и герой, чужое слово, идеи и идеологемы, полифония, диалог как особенность творчества Розанова.

Для цитирования: *Иванова Е.В.* «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтина и В.В. Розанов // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 175–196. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-175-196

Information about the author: Evgenia V. Ivanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: evi@l-z.ru

Abstract: The article analyses the causes that sparked Mikhail Bakhtin's interest in Vasily Rozanov, a fact we know thanks to the memories of Pyotr Palievsky. Bakhtin did not have the time to write about Rozanov, even if he suggested his visitors to read him. The reasons of Bakhtin's interest in Rozanov can be found in the tight spiritual link between Rozanov and Dostoevsky, and the book *Problems of Dostoevsky's Poetics* can help to understand it better. Contemporaries tried to reproach Rozanov by comparing him to Smerdyakov, but Rozanov was not embarrassed by such parallels and has himself repeatedly pointed to his kinship with Dostoevsky's heroes. The articles follows how the features of Dostoevsky's poetics highlighted by Bakhtin are the bases of Rozanov's art as well: the relationship between the author and the hero, ideologemes in the roles of the actors, the equality of the words of the others, reflected in Rozanov's constant use of letters by others as a way to characterize the addressee, the decision of publishing in his books articles polemizing with his ideas, and the discussion of them; polyphony and dialogue were peculiarities of his work. The book *Problems of Dostoevsky's Poetics* becomes the key to the innovative nature and structural peculiarities of the world of Rozanov, who looked at himself as the last writer of a literature based on fiction.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Rozanov and Dostoevsky, exchange of thoughts, concepts of *Problems of Dostoevsky's Poetics*, author and hero, word of the other, ideas and ideologemes, polyphony, dialogue as a peculiarity of Rozanov's work.

For citation: Ivanova, E.V. "*Problems of Dostoevsky's Poetics* by Mikhail Bakhtin and Vasily Rozanov." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 175–196. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-175-196

Вспоминая свою встречу и беседу с М.М. Бахтиным, Петр Васильевич Палиевский неизменно повторял полученное им тогда от Бахтина напутствие: «Читайте В.В. Розанова». Похоже, он один

запомнил этот совет, но запомнил крепко, так что стал в дальнейшем одним из почитателей Розанова и специалистом по его творчеству, а также коллекционером его книг. Я неоднократно задавала Петру Васильевичу вопрос, в чем он видел значение Розанова для Бахтина, но он как-то уходил от ответа, взамен приводя какую-нибудь яркую и необыкновенно актуальную на тот момент цитату из Розанова, буквально разящую наповал, и этим все кончалось. Ни В.В. Кожинова, ни Г.Д. Гачева мой вопрос даже не заставил задуматься, а вот Сергей Георгиевич Бочаров честно признавался, что Розанов, в отличие от Леонтьева, не его автор, и просил меня, если мне что-то придет в голову по поводу связи Бахтина и Розанова — обязательно ему показать. С большим опозданием я откликаюсь на эту просьбу.

В работе Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» я нашла единственное упоминание о Розанове, и то в отрицательном контексте — он назван в ряду тех религиозных философов, которые в восприятии Достоевского пошли «по пути философской монологизации»: «Из конкретных и цельных сознаний героев (и самого автора) вылущивались идеологические тезисы, которые или располагались в динамический диалектический ряд, или противопоставлялись друг другу как неснимаемые абсолютные антиномии. Вместо взаимодействия нескольких неслиянных сознаний подставлялось взаимоотношение идей, мыслей, положений, довлеющих одному сознанию» [Бахтин, 2002, с. 14]. Еще раз имя Розанова возникло в беседе В.Д. Дувакина с Бахтиным, но, по обыкновению, Дувакин не дал ему сказать что-либо внятное.

Упомянутое высказывание Бахтина о Розанове в неизменном виде присутствует во всех изданиях его работы о Достоевском, начиная с первого издания 1929 года «Проблемы творчества Достоевского», но обсуждать его не имеет смысла, поскольку тогда Бахтин в лучшем случае был знаком с наиболее известной книгой Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского», которая не дает сколько-нибудь полного представления об отношении Розанова к Достоевскому. По подсчетам А.Н. Николюкина, Розанов написал более 30 статей и заметок о Достоевском, но при жизни М.М. Бахтина они были разбросаны по малодоступным сборникам и газетам.

К тому же с начала 1920-х годов имя Розанова находилось под тотальным запретом, попытки издателя Г.А. Лемана издать книгу Розанова «Литературные изгнанники», а также его участие в деятельности Кружка памяти В.В. Розанова в 1926 году стали одной из

причин его ареста и тюремного заключения, как и последовавшего за ним ареста С.Н. Дурылина. В обвинительном заключении по делу Лемана было сказано: «Уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ, Казанский А.В.[1], рассмотрев дело на гр-на Лемана, Г.А., нашел, что последний пропагандировал в антисоветских целях антисемитско-церковного писателя Розанова, читал о нем доклады, пытался организовать кружок и т. д. Посему постановлено: предъявить Леману обвинение по ст. 58/14 УК. Мерой пресечения избрать содержание под стражей»[2].

Примерно то же самое сказано и в постановлении по делу С.Н. Дурылина 1927 года, где поводом для обвинения стала помощь, которую он оказывал Леману: «Я, уполномоченный 6 отделения СО ОГПУ Казанский А.В., рассмотрев следственное производство по делу № 47306 на гр<ажданина> Дурылина Сергея Николаевича, нашел, что таковой имел отношение к руководителю антисоветской группы почитателей писателя Розанова Леману; давал последнему справки и устные сведения о настроениях, высказываниях Розанова и его биографии; сам же Дурылин пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова, являющегося, несомненно, контрреволюционным»[3] [Макаров, 2010, с. 69–70]. Политическая обстановка тех лет явно не благоприятствовала изучению Розанова.

Между тем, из всех критиков и философов, писавших о Достоевском, нет никого, кто бы так остро ощущал собственное духовное родство с ним, кто бы так решительно отождествлял себя с его героями, как Розанов: «В VI кл., когда, взяв книгу на Рождество, я начал читать «Преступл. и наказание» и читал всю ночь до 8-ми часов утра, когда кухарка Александра внесла в мою комнату дрова топить печь (Рождество, морозы) — я чувствовал, *как бы пишу это я сам*, до такой степени "Достоевский писал мою душу". Но тайна заключается в том, что он писал *вообще русскую душу*, и русский, оставаясь "собою", не может остаться "вне Достоевского"» [Розанов, 1994, с. 303].

Розанов указывал на то, что именно сближало его с Достоевским: «Я "во всей свободе" настолько *раскрылся*, настолько выражаю суть *русской души* и с тем вместе выражаю суть *того, что о русских говорил Достоевский*» [Розанов, 1994, с. 302–303]. Он охотно ставил

1 Сотрудник ОГПУ А.В. Казанский в тот период (1924–1931) являлся уполномоченным по столу церковников следственной части МГО.

2 ГАРФ. А. 10035. Д. П-58052.

3 Подробнее об этом: [Розанов, Леонтьев, 2014, с. 47–48].

себя в один ряд с героями Достоевского, готов был признать, что ощущает их глубоко родственными себе. И это не было «софилософствование» с героями Достоевского, а именно ощущение избирательного сродства с целостным миром его художественного творчества, который был для него той самой потенциальной реальностью, о которой он писал в своем философском сочинении «О понимании» [Розанов, 1886].

Не только сам Розанов признавал свое избирательное сродство с героями Достоевского, некоторые критики напрямую отождествляли его с этими героями, правда, сравнения были не всегда лестными. Рецензент газеты «Речь», скрывшийся за инициалами А.О., писал: «С обычной своей бесцеремонностью и с той своеобразной фамильярностью, которая так ярко освещает всю душу Смердякова, его достойный потомок В.В. Розанов собрал этот громадный том всякого рода хлама, печатавшийся им на страницах “Нового Времени”» [А.О., 1913, с. 3]. Но так родственность Розанова и героев Достоевского видели его недоброжелатели, однако если искать среди этих героев для Розанова родственную душу, это будет не Смердяков, а герой «Бедных людей» Макар Девушкин: «<...> я взглянул направо в зеркало, так просто было от чего с ума сойти от того, что я там увидел <...>. Его превосходительство тотчас обратили внимание на фигуру мою и на мой костюм. Я вспомнил, что я видел в зеркале <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 92]. Сравним с одним из автопортретов Розанова: «С выпученными глазами и облизывающийся — вот я. Некрасиво? Что делать...» [Сукач, 2006, с. 56]. И потому гораздо более точным представляется мнение Н. Бердяева о Розанове: «Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошел своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению» [Бердяев, 1995 с. 42–43].

Была у Достоевского и Розанова и общая героиня — Аполлинария Суслова. Известно, что она послужила прототипом Полины из романа «Игрок», о своих отношениях с писателем она написала сама. Но о своей роли в жизни Розанова она ничего, кроме бранных писем не писала, а эта роль была огромной, брак с Сусловой буквально отравил его жизнь, став трагедией для второй семьи. Розанов, который был на 16 лет моложе Сусловой, неоднократно признавался, что женился на Сусловой исключительно потому, что она была возлюбленной Достоевского. Вспоминая свой брак с ней позднее, он искал ее подобия в героинях Достоевского, но это была

не Полина, и не Настасья Филипповна, как предполагал А.С. Долинин: «Вообще это была “мистическая трагедия”. Помните ли Вы хорошо “Униженных и оскорбленных”. Там есть *отец* жениха Наташи, старый князь Валковский. И сказано: “он любил (или был в связи) с молодой прекрасной собой женщиной, чрезвычайно религиозной, и *которая была необыкновенно развратна*”, чуть ли не прибавлено “противоестественною формою разврата”. Мне всегда казалось, что это он писал о Суслихе. Но к ней подходит и Дуня, сестра Раскольникова, “Аглая” “Подростка”» [Сукач, 1991–1992, № 1, с.110–111]. Уподобления, как видим, куда менее лестные для той, кого Розанов называл «Суслихой».

Возможно в силу многообразных связей с героями Достоевского, среди которых Розанов чувствовал себя «в своей тарелке», в рамках русской культуры Розанов обладал своеобразной безместностью: писатель — не писатель, философ — не философ, литературовед — не литературовед. «Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины. “Что это? Ремонт мостовой?” “Нет, это «Сочинения Розанова»”. И по железным рельсам несется трамвай» [Розанов, 1990, с. 179].

Размышляя в 1913 году о том, как следует издавать его сочинения, Розанов признавался: «Глубокое недоумение, как же “меня” издавать? Если “все сочинения”, то выйдет “Россиада” Хераскова, и кто же будет читать? — (эти чуть не 30 томов?). Автор “в 30 томах” всегда = 0. А если избранное и лучшее, тома на 3: то неудобное в том, что некоторые *острые стрелы* (завершения, пики) *всего моего миросозерцания* выразились просто *в примечании* к чужой статье, к Дернову, Фози, Сикорскому...» [Розанов, 2010, с. 156–157].

Розанов настаивал на том, что его творчество образует некое единство, куда входили не только книги и сборники статей, но и еженедельные газетные фельетоны и рецензии; ту самую «Россиаду», где существовали некие сквозные темы, пересекающие границы отдельных статей и книг, и где «малые формы» могли содержать завершения и пики «острые стрелы всего миросозерцания». Поэтому его творчество следует рассматривать как целостный художественный мир, в котором границы отдельных произведений не всегда имели значение.

И погружаясь в этот мир начинаешь понимать, что призыв читать Розанова не случайно раздался из уст автора книги «Проблемы творчества/поэтики Достоевского», потому что Розанов был

не только создателем особой творческой реальности, но что эта реальность глубоко родственна художественной реальности Достоевского, с той несомненной разницей, что реальность Достоевского была вымышленной.

Рассматривая творчество Розанова как особую реальность, первое, что мы отмечаем — в этом мире он является не только автором, но и героем повествования, действующим лицом, а его биография сюжетом этого повествования. Рассказ о собственной жизни проходит через все произведения Розанова, он присутствует в письмах, и даже в прошениях в синодальные инстанции и обращениях к иерархам Русской православной церкви, которые он писал, добиваясь развода с Аполлинарией Сусловой. История его отношений с ней пунктиром проходит через все его творчество, придавая ему событийный характер, при этом он не дает читателю забыть, что это реальные факты из его жизни, а не вымысел.

Соединив автобиографические признания Розанова в хронологической последовательности, В.Г. Сукач выстроил единственное в своем роде жизнеописание, которое он озаглавил «Жизнь Василия Васильевича Розанова "как она есть"» [Сукач, 1991–1992]. Точнее было бы сказать, «как он ее видел», потому что факты, касающиеся реальной жизни ее героя, которые приводит Сукач в комментариях к этому жизнеописанию, очень часто расходятся или даже противоречат тому, как те или иные события видел Розанов. Составленное В.Г. Сукачем жизнеописание отражает глубоко субъективную, но вполне законченную, если можно так выразится, точку зрения на собственную жизнь, где автор и герой являются одним и тем же лицом. В нашем представлении это единственная в своем роде субъективная биография, особый жанр, созданный Розановым, вписанный в его творчество.

В предисловии к книге В.Г. Сукача А.Ф. Лосев писал: «В.В. Розанов — *действующее лицо предреволюционной российской драмы* (курсив наш — *Е.И.*) ждет своих исследователей. И вот перед нами первый шаг, сделанный в этом направлении — труд В.Г. Сукача <...> Собственно говоря, это — жизнь В.В. Розанова, написанная им самим. В. Сукач ненавязчиво представляет читателю право судить о В.В. Розанове, сам не вмешиваясь ни единым словом в хронологически последовательное собрание биографических свидетельств писателя и его современников, выборку из писем, статей, книг, зачастую неизданных архивных документов, которые В. Сукач

великолепно знает, так же, как и весь биобиблиографический материал. <...> С каждой страницы слышишь приглушенный торопливый голос В.В. Розанова, его интимные интонации, ощущаешь его притягательно-изломанный стиль, остроту и точность глаза. Эффект достоверности необычайный» [Лосев, 1991, с. 135–136]. В устах Лосева слова о Розанове как о *«действующем лице предреволюционной российской драмы»* весьма примечательны, но здесь нет возможности останавливаться на этом подробнее.

Собственные жизнеописания мы находим в творчестве ряда писателей конца XIX — начала XX века, таковы, с нашей точки зрения, трилогия М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького, «История моего современника» В.Г. Короленко, но в том и другом случае герои этих автобиографических повествований окружены либо вымышленными персонажами, либо реально существовавшими людьми, необходимыми авторам этих произведений для достижения определенных художественных задач. У Розанова не было этих художественных задач, события своей жизни он описывал так, как они ему запомнились. Кроме того, в творчестве Розанова субъективная биография не образует связного текста, отдельные ее эпизоды, как уже говорилось, пронизывают все его творчество — не только такие главные книги как «Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное», «Смертное», но и статьи, в которые он включал свою переписку, часто не спрашивая разрешения адресатов и снабжая их комментариями, в которых могли заключаться «пики» ключевых публицистических тем Розанова. В его огромном по объему наследии эта субъективная биография играет цементирующую роль, она создает особый эффект знакомства с писателем, благодаря ей Розанов приходит к читателю не просто как автор книг и статей, но и как человек, о жизни которого читатель узнает в процессе чтения его книг. Субъективная биография придает творчеству Розанова событийность, родственную романному повествованию.

Рассказывая о своей жизни, Розанов по ходу дела включает в свое повествование и родственников, друзей и знакомых, лишь иногда обозначая их инициалами, он не является единственным героем этой субъективной биографии, в пространстве его текстов живут и действуют едва ли не все, кто входил в его близкое окружение. Эту особенность его творчества одним из первых отметил самый влиятельный по тем временам критик и идейный вождь журнала «Русское богатство» Н.К. Михайловский в рецензии на книгу Розанова

«В мире неясного и нерешенного»: «Чтобы добраться до сердцевины книги г. Розанова, надо преодолеть не только многоэтажное построение из статей самого автора, возражений на них и сочувственных статей и писем, примечаний к ним и примечаний к примечаниям; не только пеструю чащу сообщений “вне темы” о судьбе детей, племянников и племянниц корреспондентов автора; о разных эпизодах из его собственной жизни и жизни его родственников (например, сообщение о том, как покраснела его трехлетняя дочь, когда врач, “среди другого осмотра, раскрыл и стал осматривать ее genitalia”)» [Михайловский, 1902]. Но у Михайловского присутствие этих лиц вызвало только недоумение, а Розанов предпочитал выходить к читателю в их окружении, поскольку они играли важную роль в его реальной жизни.

Особое место среди героев Розанова занимала инфернальная Аполлинария Суслова, к истории своих отношений с ней Розанов обращался неоднократно. Характер этой законченной нигилистки описан с такой психологической достоверностью и художественной силой, что все авторы, писавшие о ней после Розанова, лишь повторяют и перетолковывают сказанное им, как правило, не выходят из круга цитат, впервые собранных воедино В.Г. Сукачем. Но поскольку отдельные звенья отношений с Сусловой рассеяны по разным книгам Розанова, читателю приходится самостоятельно восстанавливать сюжет их романа, действие которого происходило в реальной жизни автора. Ее образ обладает правдоподобием особого рода, сходного с правдоподобием героев Достоевского, о которых Бахтин писал: «Герой Достоевского также не выдуман, как не выдуман герой обычного реалистического романа, как не выдуман романтический герой, как не выдуман герой классицистов. Но у каждого своя закономерность, своя логика, входящая в пределы авторской художественной воли, но не нарушимая для авторского произвола» [Бахтин, 1997, с. 76]. В том, как Розанов рассказывает о своих отношениях с Сусловой, читатель видит такой же бесхитростный рассказ, как и в остальных эпизодах его жизнеописания.

Не только родные и близкие, не только инфернальная Суслова являются действующими лицами этой субъективной биографии, но и писатели, входившие в круг его чтения и ставшие предметом постоянного размышления, не случайно редактор и составитель собрания сочинений Розанова А.Н. Николюкин в рамках своего издания сформировал отдельный том «О писателях и писательстве»

[Розанов, 1995]. Духовно близкие писатели были для него создателями особой реальности, внутри которой протекала его жизнь, постоянными собеседниками и совопросниками. Их частную, даже интимную жизнь он обсуждал так же охотно, как и жизнь своих знакомых и родственников.

К творчеству некоторых писателей Розанов возвращался неоднократно, уже упоминалось, что Достоевскому он посвятил около 30 статей и заметок. Из статей Розанова, посвященных Пушкину, В.Г. Сукач составил небольшой том [Розанов, 1999], недавно вышел составленный им же том, из статей, посвященных Гоголю [Розанов, 2022]. Пушкин и Гоголь в мире Розанова образуют как бы два полюса в развитии русской литературы, подход к ним созвучен тому, что писал о них Достоевский: Пушкин вполне соответствует его определению «наше все», а Гоголь как бы развивает и бесконечно углубляет отношение к нему, высказанное в «Бедных людях» Достоевского.

Статья Розанова «Как произошел тип Акакия Акакиевича» (1894)[4] вполне могла бы быть написана Макаром Девушкиным, если бы тот стал литературным критиком: «Просматривая сочинения Гоголя в классическом издании их, сделанном недавно умершим ученым нашим Н.С. Тихонравовым, я случайно ознакомился из него, как и в каком точном отношении к действительности произошел тип Акакия Акакиевича (в повести “Шинель”), столь характерный для всего творчества Гоголя и, до известной степени, объединяющий в чертах своих если не все, то главные им созданные типы» [Розанов, 2022, с. 80]. Далее Розанов приводил историю с дорогим ружьем, которое на накопленные с большим трудом деньги купил чиновник, а потом потерял его по оплошности во время охоты. В этом реальном эпизоде для Розанова важнее всего, что финал реальной истории с ружьем кардинально расходится с историей шинели — товарищи купили вскладчину ружье и история имела счастливый финал. Гоголь этот финал отбрасывает и магией своего таланта «ставит нас на ту точку зрения, с которой рисовался портрет» Акакия Акакиевича. Это приводит Розанова к выводу о том, «чем было творчество Гоголя *в отношении к действительности*, какою ее *рисовкой*. Гоголь не только не передавал ее в своих созданиях; и как человек, встречаясь с ее яв-

[4] Заметим попутно, читая эту статью, невозможно отделаться от ощущения, что известная статья Б. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» написана на полях этой статьи Розанова.

лениями или слыша о них — он чудился ее, съеживался, уходил от нее <...> в странный мир болезненного воображения, где <...> жили оскопленные, с облезлыми на голове волосами, с морщинистыми щеками образы Акакиев Акакиевичей и подобных.<...>. С этими странными образами одними он жил, ими тяготился, их выразил; и, делая это, — и сам верил, и заставил силою своего мастерства несколько поколений людей думать, что не причудливый и одинокий мир своей души он изображал, а яркую, перед ним игравшую, но им *не увиденную, не услышанную, не ощущенную жизнь*» [Розанов, 2022, с. 86]. Напомним, как возмущало Макара Девушкина то, как изобразил Акакия Акакиевича Гоголь.

В «большом времени» Розанов рассматривал Гоголя как родоначальника той «отрицательной описательности» (термин Л.Я. Гинзбург), которая сделала русскую литературу «смертью своего отечества», как писал Розанов в одной из последних статей «С вершины тысячелетней пирамиды» (1918): «*Этого ни единому историку никогда не могло вообразиться*. Но между тем совершенно реальны эта особенность, что “ни одной поломки корабля” и “порчи машины” нельзя указать без ее “литературного источника”. И к “падению Руси” нужно и возможно составлять не “деловой указатель”, а обыкновенную “библиографию”» [Розанов, 1990а, с. 456].

Среди писателей особняком для Розанова стояла особая группа, условно названная им «литературные изгнанники». Их образы напрямую связаны с одной из главных тем Розанова — трагической судьбой русской консервативной мысли в России. В его представлении консервативная мысль на протяжении многих лет вырабатывала позитивные начала, составлявшие основу русской духовности, сосредоточив в себе все наиболее глубокое и талантливое, но в силу исторических причин оказалась недооцененной и наименее востребованной современниками. Позднее С.Н. Дурылин, подхватывая мысль Розанова, напишет: «Надо бы написать “историю непрочтенной русской литературы”» [Дурылин, 2006, с. 755].

«Литературные изгнанники» в своем большинстве и были героями этой непрочтенной литературы. В пространстве розановского творчества они занимали особое место, играя роль постоянных действующих лиц его книг, к их авторитету Розанов все время обращался, сверяя собственные идеи. М.М. Бахтин отмечал особую роль, которую герои как носители идеи играли в художественном мире Достоевского: каждый из них нес «не только слово о себе самом

и о своем ближайшем окружении, но и слово о мире: он не только сознающий, — он идеолог. Идеологом является уже и “человек из подполья”, но полноту значения идеологическое творчество героев получает в романах; идея здесь действительно становится почти героиней произведения. Однако доминанта изображения героя и здесь остается прежней: самосознание» [Бахтин, 2002, с. 89]. Изгнанники были для Розанова такими же носителями идей, идеологами, а их образы *идеологемами.*

Задуманная Розановым «портретная галерея» не была завершена, портреты были остановлены на разной степени проработки. Трех из тех, кого он намеревался включить в эту галерею, Розанов объединил по особому признаку: «Трёх людей я встретил умнее или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и Фл<оренско>го» [Розанов, 2010, с. 56]. Для Розанова они были непререкаемыми авторитетами: «Замечательное в их *уме* или, вернее, — в их *душе*, в их *метафизической (до рождения) опытности*, — было то, что они не знали ошибок; их суждения можно было принимать “вслепую”, не проверяя, не раздумывая. Их слова, мысли, суждения, самые коротенькие, освещали часто целую мировую область. Все были почти славянофилами, но в сущности — не славянофилы, а одиночки, “я”...» [Розанов, 1990, с. 109–110]. Федор Шперк рано умер, «ни в чем не выразившись», Флоренский был моложе Розанова на двадцать с лишним лет, но в их многолетней переписке играл скорее роль наставника, рядом с которым Розанов постоянно ощущал собственное несовершенство: «Думая иногда о Флоренском, крещу его в спину... и с болью о себе думаю: “Вот *этот* сумеет сохранить”» [Розанов, 1990, с. 223].

Более сложные отношения связывали Розанова с И.Ф. Романовым, который печатался под псевдонимом Рцы. Шкловский считал, что его книга «Листопад» оказала влияние на «Опавшие листья» Розанова: «<...> само название книг “Опавшие листья” напоминает и “Листопад” Рцы» [Шкловский, 1990, с. 134]. На влияние Рцы указывали и С.Р. Федякин и Н.П. Розин: «В “Листопаде” выразилось стремление Р<цы> к обновлению лит<ературной> формы, в частности в названиях разделов и подразделов, предполагающих неоконченность, фрагментарность: “Черновые наброски”, “Письмовник”, “Эфемериды”, “На ходу”, “Записная книжка”; по структуре книга отчасти предвосхищает “Уединенное” и “Опавшие листья” Розанова» [Федякин, Розин, 2007, с. 398].

Розанов неоднократно писал о своей исключительной близости с Рцы: «Мы понимали друг друга с ½ слова, с намека; но он был беден, как и я, “не нужен в мире”, как и я (себя чувствовал). Вот эта “ненужность”, “отшвырнутость” от мира ужасно соединяет, и “страшно все сразу становится понятным”; и люди не на словах становятся братьями» [Розанов, 1990, с. 175]. Но Рцы, талантливость которого, по мнению Розанова, граничила с гениальностью, остался совершенно неизвестным современникам, он прозябал в нищете и на последние гроши издавал мизерными тиражами свои причудливые опусы. В итоге имя Рцы сохранилось главным образом благодаря этим статьям Розанова, что признает и публикатор наследия Рцы А.П. Дмитриев[5]: «<...> для русской культуры куда более важным оказалось не идейное содержание публицистического наследия Рцы, а его значение как новатора литературной формы. Однако его жанровые поиски, незаурядное языковое мастерство, смелые стилевые эксперименты были востребованы скорее не напрямую, а через посредство творчества его друга Розанова» [Дмитриев, 2016, с. 4].

Полноценные портреты этих трех гениальных изгнанников Розанов создать не успел. Единственный завершенный самим Розановым выпуск «Литературных изгнанников» вышел в 1913 году и содержал портреты двух также высоко ценимых им критиков консервативной ориентации, — Ю.Н. Говорухи-Отрока и Н.Н. Страхова. Предполагался выпуск, посвященный К.Н. Леонтьеву, подготовительные материалы которого впервые собраны и опубликованы совсем недавно [Розанов, Леонтьев, 2014]. Они также создавались Розановым с тайной надеждой, «что “*со мной*” будут читаемы, останутся в памяти и получат какой-то там “успех” <...> Страхов, Леонтьев, Говоруха бы Отрок (не издан); может быть, Фл<оренский>. и Рцы» [Розанов, 1990, с. 254].

Размышляя о судьбах этой «особой группы писателей», Розанов пытался постичь механизмы общественного успеха, причины действенности слова и его пределы, открыть секрет, с одной стороны, причины спешного воздействия на умы и сердца современников тех, чье значение и талант он считал ничтожными, и с другой — полного невнимания к тем мыслителям, значение которых он ставил исключительно высоко.

---

5 А.П. Дмитриев впервые подготовил современное издание его сочинений: [Рцы, 2016].

«Изгнанники» в мире Розанова — это прежде всего носители близкого Розанову круга идей, ключевых для него идеологем. Например, Н.Н. Страхова Розанов называл своим «крестным отцом» [Розанов, 1913, с. X] и круг его идей он описывал двумя фразами: «Он стоял около “вечных истин” <...> и не отходил отсюда, и умолял других не отходить» и еще: «Тайна Страхова вся — в мудрой жизни и мудрости созерцания. Сюда-то он и звал, сюда-то он и сам пришел...» [Розанов, 1913, с. XI]. Место их идей в мире розановской мысли вызывает аналогию с тем, как описывал роль идеи в творчестве Достоевского М. Бахтин: «<...> идея здесь действительно становится почти героиней произведения» [Бахтин, 2002, с. 89]. Но при этом «изгнанники» не были ходячими идеями, это были люди «с биографией», если пользоваться термином Ю.М. Лотмана, и в меру своей осведомленности Розанов описывал их человеческие судьбы так же, как описывал судьбы своих знакомых и друзей.

Это был мир не объектов, а субъектов, как это описывал Бахтин применительно к Достоевскому: «Та позиция, с которой ведется рассказ, строится изображение или дается осведомление, должна быть по-новому ориентирована по отношению к этому новому миру — миру полноправных субъектов, а не объектов. Сказовое, изобразительное и осведомительное слово должны выработать какое-то новое отношение к своему предмету» [Бахтин, 2002, с. 12].

Отсюда еще одна важная особенность портретов «изгнанников»: они имели двухчастное строение, за биографическим очерком следовали их письма к Розанову, причем публиковались не какие-то значимые выдержки, а полный текст. Письма были важной составляющей многих розановских характеристик, и это не было случайностью, он первый осознал значение писем писателей как способа самораскрытия, именно в письмах, по мысли Розанова, «личность вдруг встает вся, и притом “как есть”» [Розанов, 1995, с. 431]. Эпиграфом к первому (и единственному) изданному тому «Литературных изгнанников», Розанов взял слова о. Павла Флоренского: «Единственный вид литературы, который я признавать стал, — это *письма*. Даже в дневнике автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно, и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний вид писаний» [Розанов, 1913, с. V]. Розанов как бы представлял каждому из своих героев возможность показать себя в этом «искреннем виде» писания, заговорить своим голосом.

Розанов неоднократно называл письма одним из средств познания человека: «Сочинения автора — это то, чем он хотел казаться. Письма его — то, что он есть» [Розанов, 1995, с. 431]. Не только в портретах «изгнанников», но и в других статьях, Розанова приводил цитаты из писем, а то и полный текст письма, давая возможность, о которой Бахтин писал: «Герой Достоевского всегда стремится разбить завершающую и как бы умерщвляющую его оправу чужих слов о нем» [Бахтин, 2022, с.69].

Розанов всегда предпочитал представлять чужую точку зрения, с которой он спорил или соучаствовал в обсуждении общей темы, словами ее автора. Как представляется, этот прием он заимствовал у издателя газеты «Русский труд» С.Ф. Шарапова, в которой Розанов печатался. Поскольку почти все авторы этой газеты были связаны между собой не только коротким знакомством, но и единомыслием, Шарапов, издатель достаточно эксцентричный, завел новый тип собеседования, который он называл «обменом мыслей», и сам принимал в этом обмене активное участие.

«Русский труд» был в некоторых отношениях блогосферой того времени: за статьей на определенную тему следовали статьи, где выражались сходные или противоположные точки зрения, иногда в форме писем в редакцию, представляющих собой развернутый комментарий к теме, эти материалы обрастали новыми статьями, комментариями и письмами, которые печатались тут же. Это была не столько полемика, сколько коллективное обсуждение, именно «обмен мыслей». Одно из таких обсуждений было даже издано в виде книги: «Сущность брака. Обмен мыслей между Н.П. Аксаковым, “Мирянином”, “В.В. Розановым”, “Рцы” (И.Ф. Романовым), протоиереем Александром У-ским и С.Ф. Шараповым, с приложением статьи свящ. М.И. Спасского». По существу, этот был первый и единственный в русской периодике опыт презентации равноправных точек зрения, достаточно редкий для журналистики тех лет, своего рода полифония в век, когда в публицистике особенно ценилось монофония, верность заветам, несгибаемость позиции и т.п., но этот новаторский для публицистики того времени жанр имел недолгую историю и был допущен на страницы газеты «Русский труд» только для обсуждения проблем семьи и брака, да и газета вскоре закрылась.

Единственным продолжателем опыта равноправного «обмена мыслей» оказался Розанов, он использовал его в первом издании своей книги «В мире неясного и нерешенного». Заглавие книги точно

передает характер мысли Розанова, он предпочитал не вердикты по той или иной проблеме, а размышления, поиски ответа вместе с читателем. Идеи Розанова обладали свойством, которое Бахтин считал свойством идей Достоевского — незавершенностью. В предисловии к книге «В мире неясного и нерешенного» Розанов писал: «Собранные здесь статьи были напечатаны в 1898 и 1899 гг. в “Биржевых Ведомостях”, “Гражданине”, “Новом времени”, “Русском труде” и “С.-Петербургских Ведомостях”, — и все касаются некоторых темных и неясных областей бытия и знания. Я позволил себе к ряду своих статей присоединить, под рубрикой “Полемические материалы”, очень ценные мне возражения, или разъяснения, или продолжения моей мысли, сделанные в названных статьях гг. Н. Аксаковым, Гатчинским отшельником, И. Колышко, П. Кусковым, Мирянином, В. Петерсеном, православным, И. Рудневым, А. У<стьин>ским и С. Шараповым, — внимание которых к заинтересовавшей меня области пробуждает во мне чувство самой живой признательности» [Розанов, 1901, с. 3]. Розанов любил окружать свои размышления возражениями, разъяснениями и продолжениями, приходить к читателю в обществе своих собеседников, в окружении «чужого слова», в состоянии диалога: как один, хотя и главный его участник, он с полной готовностью ставил себя на одну доску с оппонентами.

Следующий шаг в этом направлении Розанов совершил уже на страницах модернистского журнала «Новый путь», где он получил специальный раздел «В своем углу», о задачах которого писал в предисловии «От автора»: «Редакция “Нового пути” предложила мне в журнале особый и личный отдел, где я мог бы высказываться без того, чтобы редакция чувствовала себя связанною моими тезисами или частными взглядами, и где, с другой стороны, я мог бы провести такие свои *мысли*, которых редакция не разделяет» [Розанов, 1903, с. 135]. В этом предисловии Розанов обозначил свое понимание задач этого отдела: «<...> являясь журналом в журнале, он допускает помещение в одной книжке многих заметок одного автора и введение частной переписки; допускает краткую афористическую постановку какого-либо практического вопроса; допускает краткий, в немного строк, ответ на печатную статью или несколько ответов на несколько частных статей. Словом, этот отдел расширяет рамки обыкновенного журнального сотрудничества и в некоторых отношениях приближает *литературу* к тому безыскусственному, свободному и разностороннему обмену мнений, какой составляет преимущество разговора меж-

ду друзьями в кабинете перед объяснением с публикою на эстраде» [Розанов, 1903, с. 135]. Розанов и здесь продолжал развивать жанр «обмена мыслей» с читателем, не претендуя на завершающее слово. Он предпочитал быть собеседником, участником диалога, его задача была близка той, которую, по мнению Бахтина, решал Достоевский: «построить полифонический мир и разрушить сложившиеся формы европейского, в основном монологического (гомофонического) романа» [Бахтин, 2002, с. 12]. Художественное мышление Розанова было полифоническим в своей основе.

Понимание этих глубинных связей творчества Розанова и Достоевского, масштабов избирательного сродства, существовавшего между ними, по-новому освещает и смысл совета Бахтина, который запомнился П.В. Палиевскому — читать Розанова: очевидно, что Бахтин был первым, кто это сродство ощутил. Остается вопрос — когда. Возможно, это произошло уже в период работы над первым изданием «Проблем творчества Достоевского», но вполне могло произойти и гораздо позднее, в Саранске, для этого надо изучить библиотеку Саранского университета, хотя среди опубликованных читательских требований Бахтина запроса на книги Розанова нет. Но опять-таки, Розанов тогда еще не вышел из-под спуда, и запрос на его книги мог не оформляться официально, не говоря о том, что его книги могли попасть к Бахтину из каких-либо частных собраний. К сожалению, я не догадалась спросить Палиевского, когда прозвучал совет читать Розанова — до подготовки нового издания «Проблем поэтики Достоевского» или после, это уже не исправить, важным остается лишь то, что совет не был случайно брошенной фразой, Бахтин был первым, кто открыл это своеобразное тождество двух писателей, но написать об этом не успел и как бы завещал это тем, кто посещал его тогда.

Что же в итоге знаменовало это сходство? Прежде всего, оно помогает осмыслению особенностей устроения творческого мира Розанова, помогает понять, что это был мир, подчинявшийся тем же законам, что и художественный мир Достоевского, но остававшийся в рамках нон фикшн, в рамках исторической реальности. Но одновременно это была совершенно новая художественная реальность, на чем, кстати, настаивал и сам Розанов: «...иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого *существа ее*, - писал он. И это есть мое мировое “emploi”. <...> Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки

быта <...> Во мне есть какое-то завершение литературы; литературности; ее существа — как потребности отразить и выразить. Больше что же еще выражать? Паутины, вздохи, *последнее уловимое.* О, фантазировать, творить еще можно: но ведь суть литературы не в *вымысле же*, а в потребности *сказать сердце*. И вот с этой точки я кончаю и кончил. И у меня мелькает странное чувство, что я *последний* писатель, с которым литература вообще прекратится, кроме хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станут просто *жить*, считая смешным, и ненужным, и отвратительным литераторствовать» [Розанов, 1990, с. 333].

В рамках настоящей работы нет возможности подробно освещать эту тему — Розанов как «последний писатель», она касается уже исключительно особенностей его творчества и мира его идей. В данной работе нам важно показать, что глубинные связи Розанова с Достоевским помогает открыть Бахтин и его книга «Проблемы поэтики Достоевского». Попытаемся ответить — почему.

Ответ не лежит на поверхности. В первом издании своей книги, имевшей тогда заглавие «Проблемы творчества Достоевского», Бахтин настаивал: «Предлагаемая книга ограничивается лишь теоретическими проблемами творчества Достоевского. <...> Здесь чисто технические соображения заставляют иногда абстрактно выделять теоретическую, синхронистическую проблему и разрабатывать ее самостоятельно» [Бахтин, 1929, с. 3]. Он пояснил, что на сугубо теоретическом аспекте рассмотрения творчества Достоевского он настаивает только потому, что не включает в рассмотрение историко-литературный аспект проблемы. Но вряд ли работа Бахтина ограничивается теорией литературы.

Как известно, в последующих изданиях, книга получила заглавие «Проблемы поэтики Достоевского», здесь работа Бахтина ставила уже более широкие задачи, она позиционировалась как характеристика новаторства Достоевского-художника: «Достоевский создал, по нашему убеждению, совершенно новый тип художественного мышления, который мы условно назвали *полифоническим*. Этот тип художественного мышления нашел свое выражение в романах Достоевского, но его значение выходит за пределы только романного творчества и касается некоторых основных принципов европейской эстетики. Можно даже сказать, что Достоевский создал как бы новую художественную модель мира, в которой многие из основных моментов старой художественной формы подверглись коренному

преобразованию. Задача предлагаемой работы и заключается в том, чтобы путем теоретико-литературного анализа раскрыть это *принципиальное* новаторство Достоевского» [Бахтин, 2002, с. 7].

Принципиальное новаторство Достоевского состояло в том, что его творчество несло в себе новый тип художественного мышления, носителем которого был и В.В. Розанов — и именно в этом состояла причина его кажущейся безместности: писатель — не писатель, философ — не философ. И его «Россияду» надо не только издавать, но и воспринимать как единое целое, именно как отражение этого нового художественного мышления и нового миросозерцания.

Список литературы

1. А.О., 1913 — *А.О.* Рец. на кн.: Розанов В.В. Среди художников // Речь 1913. 11 ноября. № 309.
2. Бахтин, 1929 — *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 243 с.
3. Бахтин, 2002 — *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари. — Языки славянских культур, 2002. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Работы 1960-х –1970-х гг. 800 с.
4. Бердяев, 1995 — *Бердяев Н.* О «вечно бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: pro et contra / сост., вступит. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 41–51.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990.
6. Дмитриев, 2016 — «Ущемленный в средостении славянофил»: Рцы (И.Ф. Романов) в его неопубликованных письмах к В.В. Розанову / публ. А.П. Дмитриева // Альманах «Русский мір». 2016. № 8. С. 1–27.
7. Дурылин, 2006 — *Дурылин С.* В своем углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
8. Лосев, 1991 — *Лосев А.Ф.* Первая книга о В.В. Розанове // Москва. 1991. № 10. С. 135–136.
9. Михайловский, 1902 — *Михайловский Н.К.* О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии. 1902. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1500.shtml (дата обращения: 10.12.2022).
10. Розанов, 1886 — *Розанов В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 737 с.
11. Розанов, 1901 — *Розанов В.* В мире неясного и нерешенного. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1901. 271 с.
12. Розанов, 1903 — *Розанов В.* От автора // Новый путь. 1903. № 2. С. 135–136.
13. Розанов, 1990 — *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий. 1990, 876 с.

14. Розанов, 1990а — *Розанов В.В.* Сочинения / сост., подгот. текста и комм. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Советская Россия, 1990. 588 с.

15. Розанов, 1992 — *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 547 с.

16. Розанов, 1994 — *Розанов В.В.* Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. Т. 2: Мимолетное. 541 с.

17. Розанов, 1995 — *Розанов В.В.* Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. Т. 7: О писателях и писательстве 734 с.

18. Розанов 1999 — *Розанов В.В.* О Пушкине. Эссе и фрагменты / сост., вступ. ст., коммент. и указатель В.Г. Сукача. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1999. 414 с.

19. Розанов, 2010 — *Розанов В.В.* Собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток. 2010. Т. 30: Листва. 591 с.

20. Розанов, 2022 — *Розанов В.В.* О Гоголе. Эссе и фрагменты / сост., вступ. статья В.Г. Сукача, коммент. и указ. В.Г. Сукача и А.Х. Гольденберга; научн. ред., послесл. А.Х. Гольденберга; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2022. 336 с.

21. Розанов, Леонтьев, 2014 — В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьев. Комментарии / сост. Е.В. Ивановой; издание подгот. А.П. Дмитриев, В.Н. Дядичев, Е.В. Иванова, Г.Б. Кремнев, П.В. Палиевский. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

22. Рцы, 2016 — *Рцы (Романов И.Ф.)*. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Росток, 2016. Т. I: Нагота рая: Историко-философские эссе, парадоксы и афоризмы. Религиозная публицистика. Политические и экономические статьи. Путевые очерки; Т. II: Плюсы жизни: Литературные очерки. Художественная критика. Юмористическая проза. Письма к И.С. Аксакову, Н.П. Гилярову-Платонову, В.В. Розанову, А.С. Суворину и другим современникам.

23. Сукач 1991–1992 — *Сукач В.Г.* Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1991. № 10. С. 135–176; № 11. С. 141–153; 1992. №1, с.108–131; № 2/4. С. 120–128; № 7/8. С. 121–141.

24. Сукач, 2006 — *Сукач В.Г.* «Auto-портрет» Розанова / сост. В.Г. Сукачем по книгам «Литературные изгнанники», «Мимолетное», Уединенное», «Опавшие листья», «Сахарна» // Наше наследие. 2006, № 78. С. 58–69. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7807.php (дата обращения: 10.12.2022).

25. Федякин, Розин, 2007 — *Федякин С.Р., Розин Н.П.* Рцы // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 398–399.

26. Шкловский, 1990 — *Шкловский В.Б.* Розанов // *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе: 1914–1933 / предисл. А.П. Чудакова; подг. текста и коммент. А.Ю. Галушкина. М.: Сов. писатель, 1990. С. 120–139.

References

1. A.O. “Retsenziia na knigu: Rozanov V.V. Sredi khudozhnikov” [“Review of the Book: Rozanov V.V. Among Artists”]. *Rech’ 1913* [*Speech 1913*], 11 Nov., no. 309. (In Russ.)

2. Bakhtin, M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 243 p. (In Russ.)

3. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [*Collected Works: in 7 vols*], vol. 6: "Problemy poetiki Dostoevkskogo" (1963). Raboty 1960-kh – 1870-kh gg [*Problems of Dostoevsky's Poetics* (1963). Works 1960s-1970s]. Moscow, Russkie slovari – Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2022. 800 p. (In Russ.)

4. Berdiaev, N. "O 'vechno bab'em' v russkoi dushe" ["About the 'Eternal Womanhood' of the Russian Soul"]. *V.V. Rozanov: pro et contra* [*Vasily Rozanov: Pro et Contra*], comp., introd., and comm. by V.A. Fateev, Book 2. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995, pp. 41–51. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

6. Dmitriev, A.P., editor. "'Ushchemlennyi v sredostenii slavianofil': Rtsy (I.F. Romanov) v ego neopublikovannykh pis'makh k V.V. Rozanovu" ["'A Pinched Mediocre Slavophile:' Rtsy (I.F. Romanov) in His Unpublished Letters to Vasily Rozanov"]. *Al'manakh "Russki mir"*, no. 8, 2016, pp. 1–27. (In Russ.)

7. Durylin, S. *V svoem uglu* [*In My Corner*]. Comp. and comm. by V.N. Toporova, introd. by G.E. Pomentseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)

8. Losev, A.F. "Pervaia kniga o V.V. Rozanove" ["The First Book about Vasily Rozanov"]. *Moskva*, no. 10, 1991, pp. 135–136. (In Russ.)

9. Mikhailovskii, N.K. *O g. Rozanove, ego velikikh otkrytiiakh, ego makhanal'nosti i filosoficheskoi pornografii* [*On Mr. Rozanov, His Great Discoveries, His Makhanal'nost', and Philosophical Pornography*]. 1902. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1500.shtml (Accessed 10 Dec. 2022) (In Russ.)

10. Rozanov, V. *O ponimanii. Opyt issledovaniia prirody, granits i vnutrennego stroeniia nauki kak zel'nogo znaniia* [*About Comprehending. An Experiment of Research on Nature, Limits, and Internal Structure of Science as a Complete Knowledge*]. Moscow, E. Lissener and Iu. Roman Typography Publ., 1886. 737 p. (In Russ.)

11. Rozanov, V. *V mire neiasnogo i nereshennogo* [*In the World of Uncertainty and Unresolved*]. St. Petersburg, M. Merkushev Typography Publ., 1901. 271 p. (In Russ.)

12. Rozanov, V. "*Ot avtora*" ["*From the Author*"]. *Novyi put'*, no. 2, 1903, pp. 135–136. (In Russ.)

13. Rozanov, V.V. *O sebe i zhizni svoei* [*About Me and My Life*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 876 p. (In Russ.)

14. Rozanov, V.V. *Sochineniia* [*Works*]. Comp., comm. A.L. Nalepin and T.V. Pomeranskii. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990. 558 p. (In Russ.)

15. Rozanov, V.V. *Literaturnye izgnanniki* [*Literary Outcasts*]. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 547 p. (In Russ.)

16. Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], ed. by A.N. Nikoliukin, vol. 2: Mimoletnoe [Fleeting]. Respublika Publ., 1994. 541 p. (In Russ.)

17. Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], ed. by A.N. Nikoliukin, vol. 7: O pisateliakh i pisatel'stve [About Writers and Writing]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 734 p. (In Russ.)

18. Rozanov, V.V. *O Pushkine. Esse i fragmenty* [*About Pushkin. Essays and Excerpts*]. Comp., introd., and comm. by V.G. Sukach. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 1999. 414 p. (In Russ.)

19. Rozanov, V.V. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], ed. by A.N. Nikoliukin, vol. 30: Listva [Leaves]. Moscow, Rostok Publ., 2010. 591 p. (In Russ.)

20. Rozanov, V.V. *O Gogole. Esse i fragmenty* [*About Gogol. Essays and Excerpts*]. Comp and introd. by V.G. Sukach; comm. by V.G. Sukach and A.Kh. Gol'denberg; ed. and post. A.Kh. Gol'denberg; ex. ed. V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2022. 336 p. (In Russ.)

21. Ivanova, E.V., editor. *V.V. Rozanov i K.N. Leont'ev. Materialy neizdannoi knigi "Literaturnye izgnanniki". Perepiska. Neopublikovannye teksty. Stat'i o K.N. Leont'ev. Kommentarii* [*Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev. Materials for the Unpublished Book "Literary Outcasts." Correspondence. Unpublished Texts. Articles on Konstantin Leontiev. Commentaries*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014. 1182 p. (In Russ.)

22. Rtsy (Romanov I.F.) *Sobranie sochinenii: v 2 tomakh* [*Collected Works: in 2 vols*]. Vol. 1: Nagota raia: Istoriko-filosofskoe esse, paradoksy i aforizmy. Religioznaia publitsistika. Politicheskie i ekonomicheskie stat'i. Putevye ocherki [The Nakedness of Paradise: Historical and Philosophical Essays, Paradoxes and Aphorisms. Religious Journalism. Political and Economic Articles. Travel Essays]; Vol. 2: Pliusy zhizni: Literaturnye ocherki. Khudozhestvennaia kritika. Iumoristicheskaia proza. Pis'ma k I.S. Aksakovu, N.P. Gliarovu-Platonovu, V.V. Rozanovu, A.S. Suvorinu I drugim sovremennikam [The Pros of Life: Literary Essays. Art Criticism. Humorous Prose. Letters to I.S. Aksakov, N.P. Gilyarov-Platonov, V.V. Rozanov, A.S. Suvorin and other contemporaries]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016. (In Russ.)

23. Sukach, V.G. "Zhizn' Vasiliia Vasil'evicha Rozanova 'kak ona est''." ["The Life of Vasily Rozanov 'As It Is'."]. *Moskva*, no. 10, 1991, pp. 135–176; no. 11, 1991, pp. 141–153; no. 1, 1992, pp. 108–131; no. 2/4, 1992, pp. 120–128; no. 7/8, 1992, pp. 121–141. (In Russ.)

24. Sukach, V.G. "'Avto-portret' Rozanova" ["Rozanov's 'Auto-Portrait'"], comp. by V.G. Sukach from the books "Literaturnye izgnanniki", "Mimoletnoe", "Uedinennoe", "Opavshie list'ia", "Sakharna". *Nashe nasledie*, no. 78, 2006, pp. 58–69. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7807.php (Accessed 10 Dec. 2022) (In Russ.)

25. Fediakin, S., and Rozin, N.P. "Rtsy" ["Rtsy"]. *Russkie pisateli, 1880–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers, 1880–1917: Biographial Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 398–399. (In Russ.)

26. Shklovskii, V.B. "Rozanov" ["Rozanov"]. *Gamburgskii schet: Stat'i – vospominania – esse: 1914-1933* [*The Hamburg account: Articles – Memoirs – Essays: 1914–1933*]. Introd. by A.P. Chudakov; comp. and comm. by A.Iu. Galushkin. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 120–139. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.12.2022
Одобрена после рецензирования: 12.01.2023
Принята к публикации: 15.01.2023
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 16 Dec. 2022
Approved after reviewing: 12 Jan. 2023
Accepted for publication: 15 Jan. 2023
Date of publication: 25 March 2023